

СПЕКТАКЛЬ ОКОНЧИЛСЯ, чтобы дать начало спорам, чтобы послужить рождению отзвонков восторженных, смешных каламбуров и злых остроумий.

Ни у кого не возникает сомнений: коллективом проделан гигантский труд. Этого мало, им проявлена недюжинная смелость (еще бы, новая постановка комедии Грибоедова в Малом театре!). Тем не менее иные утверждают — искажен Грибоедов, взяты под сомнение лучшие традиции этого театра. Другие пожимают плечами — ну где же здесь современная трактовка классики?

В чем существо спора? «Век нынешний» или «век минувший» воссоздается на сценических подмостках. Другими словами, современно ли прочтение «Горя от ума», предложенное Малым театром и Евгением Симоновым, или традицион-

но. Раздвинулся занавес, и кажется, что декорации решены в привычной для Малого театра, по-своему прекрасной манере. Пастельно-синие стены просторного интерьера ограничены белыми колоннами и массивным карнизом, золотые завитушки высоких белых дверей, тяжелый стол красного дерева. Характерное для эпохи сочетание цвета, контуров, линий.

Но уже через мгновение, другое спокойный академизм оказывается мнимым. Интерьер сломан: контуры его только размечены деталями оформления, а голубые его стены — это не стены, а сценический горизонт. Однако и режиссер, и художник Б. Волков трудились не просто во имя сценических реконструкций. Они хотели дом Фамусова «продуть» воздухом эпохи, расширить рамки зримого, привычного, чтобы по-новому показать героев.

И когда молодой, стремительный Чацкий, забывающий о границах интерьера, на наших глазах спешит, летит, чтобы «чуть свет» броситься к ногам Софьи, проход этот, нет, пробог служит своеобразной заявкой на характер, становится как бы камертоном «истины страстей» для исполнителя и его партнеров.

Да, такой Чацкий должен вступить в борьбу с Молчалиным — В. Коршуновым — не банальным льстецом или старомодным угодником, а серьезным, сдержанным, воспитанным молодым человеком. О, Молчалин — Коршунов далеко пойдет. Не случайно он так снисходителен к Чацкому, спокойно уклоняется от стрел его сарказмов. Такого и Софье не грех полюбить — очень уж притягательны пристальный взгляд его глаз, его кажущаяся доброжелательность к людям. Ну, а что до души... Ах, именно душу его и не разглядела юная темноволосая Софья, которая, может, за то и полюбила Молчалина, что он беден и представляется ей беззащитным. Удивительно это дело: платье у Софьи — Н. Корниенко — почти как на дочерях князя Тугоуховского, и прическа по фамусовской моде, а слова уж наверняка грибоедовские. Но невольно кажется, что эта наша с вами знакомая, так понятны нам ее заблуждения, ее ошибки.

Мы узнаем даже до сих пор не вышедшую из моды манеру чуть иронически, чуть пугливо, с какой-то трогательной самоуверенностью общаться со старшими.

Рядом с такой Софьей органична и Лиза К. Блохиной, живая и добродушно-кокетливая, нечто среднее между подругой и горничной. В Лизе, пожалуй, недостает силы, комедийного задора. Но, может статься, перед иной Лизой и не стала бы обнаруживать свой сложный и трепетный душевный мир эта пугливая и гордая Софья?

Нет, о буквальном следовании привычному и все же драгоценному прошлому применительно к

классическим предшественникам. Это понятно. Театр, взглянув на «Горе от ума» «свежими, нынешними глазами», искал свое толкование, расширяющее, развивающее мысль пьесы, ее содержание. Но порой, боясь «упустить» те или иные возможности, которые предоставляет новое сценическое решение, он увлекается находками, ничего не расширяющими и не развивающими, а лишь поясняющими то, что и пояснять-то не надо.

Скажем, появляется на сцене полковник Скалозуб, сейчас же раздаются звуки военного марша, а за окнами особняка Фамусова строем идут солдаты. Свежая краска? Но

«...Пока будет существовать стремление к почестям, помимо заслуги, пока будут водиться мастера и охотники угодничать и «наградить брать и весело пожить», пока сплетни, безделье, пустота...», — начинается своя мысль И. А. Гончаров, чтобы завершить ее: «до тех пор, конечно, будут мелькать и в современном обществе черты Фамусовых, Молчалиных и других...».

Однако Чацкий не подходит к рампе, он продолжает свой монолог, обращаясь к Фамусову и Скалозубу: юноша-герой так и не покинул грибоедовскую Москву. Таков замысел. Искать современное и близкое не в прямом перенесении геро-

Софью, он уже одержим мыслью, той, что заставит его потом произносить монологи, уничтожать Молчалина, спорить с Фамусовым. И трагедия его разлуки с Софьей — это скорее трагедия обманутого доверия, чем неразделенной страсти.

Правда, выступая как гражданин, он не становится трибуном, оратором. В романтическом по трактовке спектакле герой, наверно, должен был обладать большей романтической окрыленностью, более открытым взлетом чувств!

С другой стороны, у этого Чацкого есть свойство привлекательнейшее: умение вместе с нами думать и рассуждать. Вместе с нами, но не подменяя нас. Потому что не в подобной подмене подлинная современность звучания классических произведений.

И если образ Репетилова в прочтении В. Доронина привлекает и новизной, и точностью отбора выразительных средств, то явным излишеством выглядит удачно поставленный, но тем не менее иллюстративный эпизод появления его друзей из английского клуба, да еще с гитарой и шансонеткой. А что прибавляют Грибоедову пролог и эпилог, сочиненные театром? На горизонте — силуэт собора, бутафорское солнце ползет по небу, фигуры юношей, к которым присоединяется Чацкий. Лица их обращены к солнцу, они устремляются вперед. Куда? Судя по всему — в будущее...

И еще одно. Малый театр — и Грибоедов. Великолепные традиции русской речи — и блистательный стих. Они снова должны были объединиться, и жаль, что красоты грибоедовского стиха, красоты речи недостает иным исполнителям.

Живые люди, живые мысли и иллюстрации, внешние ассоциации поместились рядом в этом спектакле. И тем не менее благороден труд, взятый на себя всем коллективом участников постановки. Хочется верить, что, отправившись на поиски, театр обретет будущее, по-новому интересное и по-старому уважаемое.

Кстати, ревнители современности, обсуждая данный спектакль, не должны забывать, в каких стенах он играется, а пропагандисты традиций — о времени и о его требованиях к искусству. Поэтому разговор еще не окончен, видимо он будет продолжен.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.

ОТПРАВЛЯЯСЬ НА ПОИСК

данной постановке говорить не приходится. У меня на памяти спектакль, традиционный в лучшем смысле этого слова. Спектакль, поставленный в 1938 году П. Садовским под художественным руководством И. Судакова. Как значителен казался мне К. Зубов — Фамусов. А В. Рыжова! Несколько реплика Графини-бабушки, произнесенных ею, возрождали исконно русское, теперь, увы, полузабытое искусство разговаривать на сцене. И, наконец, Чацкий — М. Царев. Помните, как в последнем акте он замирал у колонны, в тяжелом раздумье склонив голову, чтобы затем вдруг обрушиться на противников стремительный каскад монолога...

Правда, и в новой, сегодняшней постановке бал начинается во всей его, казалось бы, традиционной пышности. С блеском изображает князя Тугоуховского Н. Светловлов, сочно и уверенно играет его супругу Е. Шатрова. С подлинным мастерством лепит образ Хлестовой Е. Гоголева. Здесь, на балу, встречается мы и еще с одной интереснейшей фигурой — Графиней-внучкой, сыгранной Г. Егоровой в манере точной, сыгранной легко и стремительно.

Однако скоро по ходу бала в строй вступают и иные средства сценической выразительности. Из темноты неожиданно появляются фигуры героев сплетни. Стрелы лучшей вырывают из хаоса суетящейся толпы то один персонаж то другой: сплетня разрастается. Это сложное плетение завершается великолепной мизансценой. Прямо вдоль рампы компактной группой теснятся гости, заглядывая в глаза друг другу, тесно прижимаясь плечом, чтобы скорее из уст в уста передать сногшибательную новость: Чацкий сошел с ума.

Даже эта поначалу, казалось бы, традиционно поставленная картина убеждает: сегодняшний спектакль далек от своего ставшего почти

проход этот лишь напоминает о причастности Скалозуба к военной службе. Характеристика царско-армейской Руси? Не слишком ли наивная?

Этот принцип еще и развивается. Чацкий обращается к Софье:

«Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?».

Или:
«А Гильоме, француз, подбитый ветерком?».

Он не женат еще?».

И луч света вырывает из темноты то одну причудливую и отталкивающую фигуру, то другую: вот они, взгляните, каковы! Наглядно? Очень. Нужно Грибоедову, Малому театру, Симонову? Вряд ли. Невольно тревожишь: неужели между первым пробегом Чацкого и вот этим военным маршем или выставкой уродов расположены все поиски создателей спектакля?

Ведь если идти далее, подобными выметками можно было украсить и другие сцены, диалоги. Можно было «обогатить» и монолог «А судьи кто?». Однако здесь режиссер поступил мудрее. И этот эпизод, столь важный для пьесы, строится принципиально иначе.

Бросив последнюю реплику Фамусову («и похвалы мне ваши досаждают»), Чацкий стремительно уходит в глубину сцены. И там, на фоне слепого окна, за которым нет дали, нет Москвы, нет России замер он, чтобы вдруг, изумляясь, гневаясь, бросить первую фразу монолога:

— А судьи кто?

Хрупкий, чуть сутулый, Чацкий протягивает к нам руку. Луч света ограничивает тесное пространство, по которому он движется вперед.

Все сильнее и звонче молодой голос задумчивого юноши. Еще минута, и Чацкий сойдет к нам нашим современником, негодуя и низвергая... Что?

ев на десятилетия вперед, не в буквальном смещении людей и событий, не в механическом применении положения Гончарова к нашим дням, а в глубине характеров и взаимоотношений. Искать сегодняшние мысли, чувства, воссоздавая формы сценической жизни, подаренные нам классикой.

Ассоциации с днем нынешним необходимы: не взволнует, не разбудит мысль спектакль, с археологической точностью восстанавливающий черепок за черепком осколки прошлого. Но вырывать эти самые современные ассоциации должны на реальной почве достоверных характеров, событий, эпохи.

Может быть, в том и непривычность трактовки Фамусова, что И. Ильинский не стремится вылепить привычный образ представителя «фамусовской Москвы». Его Фамусов и ретроград, и бюрократ, и семейственность пропагандирует. Но в то же время он как будто даже смущен происходящим, перепуган странной молодежью, которая неожиданно-негаданно поднялась вокруг него. Однако не пропадает ли тогда тема самовластья «старух зловещих, стариков», не рушится ли иерархическая лестница, которую возглавляет Фамусов?

Блистательно сыгран Ильинским его собственный Фамусов. Но могли этот смешной Фамусов суетливостью движений и наивной напыщенностью речей представлять серьезную угрозу для целого поколения? И не слишком ли легко, безнаказанно выпускает он из своего дома молодого бунтаря, каким предстает перед нами Чацкий — Н. Подгорный? Артист познакомил нас с гражданином, неуклонно и неустанно думающим о времени и о себе. О нет, Подгорный не сумел нам рассказать о Чацком-любовнике, о Чацком страстном и наивном. И становления этого юного характера мы не увидели. Когда он поднимает в первом акте глаза на